

ОТЗЫВ

о диссертации Амановой Гулистан Абдиразаковны на тему:
«Художественная специфика традиционной литературы Кореи и опыт
модернизации ее поэзии: теоретические аспекты»,
диссертация представлена на соискание ученой степени доктора
филологических наук по специальности: 10.01.08 – Теория литературы.

Текстология

О вершинных достижениях традиционной культуры, литературы стран Дальнего Востока мы знаем по произведениям великих мастеров прошлого. Этому способствовал и поток научной и переводческой литературы, который начался в 50-70-е годы XX века. Видные советские востоковеды-филологи Л.З.Эйдлин, Т.П. Григорьева, И.А. Боронина, М.И. Никитина и другие приоритет в своих исследованиях отдавали национальной классике, проявляли особый интерес к генезису традиционных поэтических жанров, восточной поэтике. Популярности этой поэзии, безусловно, способствовали и переводы поэтов, чего стоит имя одной А. Ахматовой, блестяще представившей китайскую и корейскую классику от Цюй Юаня до Чхон Чхоля. Однако в данный момент весьма немного теоретически выверенных, концептуальных трудов, посвящённых корейской литературе. Поэтому **актуальность** заявленной темы представляется очень высокой.

Труд Г.А. Амановой во многом обновляет и теоретически осмыслияет этот научный пласт. Отмечу здесь корректную полемику с предшествующей традицией изучения корейской литературы в нашей стране. Причем полемика эта ориентирована на теоретическую основу исследования: именно неудачные методологические подходы к рассмотрению объекта, попытка инкорпорировать некоторые тезисы без учета специфики материала нередко приводили к тому, что материалу вменялись чуждые признаки (С. 10). При исследовании таких специфичных объектов, как дальневосточные

литературные традиции, необходимо работать в первую очередь имманентно, нацеливаться на анализ, а не интерпретацию с позиции привычной отечественному литературоведению логики. Хотя даже такие не вполне удачные попытки Г.А. Аманова не обходит своим вниманием, так как они формируют традицию изучения; автор принимает даже слабо аналитические, дескриптивные опыты работы с корейским материалом (С. 14-16). Поэтому при в целом взыскательном, полемическом заряде по отношению к предшествующей традиции российского литературного корееведения автор бережно относится к тем наработкам, что были сделаны ее предшественниками. Ведь это позволяет увидеть феномен с разных сторон: в его сложности и порой противоречивости.

Новизна исследования Г.А. Амановой не вызывает никаких сомнений: достаточно отметить, что это первое в российской и зарубежной науке сопоставительное теоретическое исследование традиционной литературы Кореи и ее поэзии конца XIX – середины XX в. Так уж сложилось, что в отечественном литературоведении корейской поэзии изначально уделялось гораздо меньше внимания, чем другим литературам дальневосточного региона: сказывалось давление идеологии на науку. Это касается и новейшего литературного дискурса. Если новую поэзию Китая и Японии нам представили известные работы Л.Е. Черкасского и А.А. Долина, то о корейской поэзии аналогичного периода в российском корееведении специальных исследований практически нет. Можно перечислить лишь несколько статей, посвященных творчеству отдельных поэтов 20-х годов XX века, сюда можно отнести раздел монографии «Новая проза Кореи» В.И. Ивановой и учебное пособие Л.В. Галкиной «Корейская поэзия 20-х гг. XX в.». В этой связи диссертация Г.А. Амановой, на наш взгляд, представляется крайне актуальной и своевременной. И это тоже важная составляющая **новизны** оппонируемой работы.

Помимо прочих аспектов **новизны** отмечу еще и такой: Г.А. Аманова проливает свет на ряд нераскрытых аспектов в том числе и русской

литературы, например, скрупулезно расследует историю корейских переводов Анны Ахматовой: обращается к целому ряду свидетельств и фактов, которые в совокупности позволяют восстановить общую картину (С. 239-246).

Важно, что в работе затронуты обе составляющие филологического шифра 10.01.08: и теория литературы, и текстология, то есть **теоретическая значимость** работы бесспорна. Поэтому хотя диссертация и выполнена на корейском материале, ее теоретический заряд является превалирующим, а значит, работа имеет большое значение не только в контексте литературного корееведения, но и в части изучения других дальневосточных литератур, с которыми, к слову, корейская связана множеством нитей. Кроме того, как отмечает автор, в диссертации «постоянно учитываются влияния на корейскую литературу со стороны литератур Европы, Америки, России и главного посредника – Японии, с помощью которых преодолевалось сильнейшее китайское влияние» (С. 16). В частности, как подчеркивает диссертант, процессы, происходившие в сфере общественных движений, культуры и литературы Японии и Кореи конца XIX – первой половины XX века носили зеркальный характер. В это время Япония воспринимается корейцами как «проводник» культуры Запада, источник новых ценностей и прогресса, что приводит к стремительному разрушению их многовековой духовной связи с китайской культурой. Такой компаративистский фокус также свидетельствует о масштабности результатов работы.

Теоретическая значимость диссертации связана и с тем, что здесь скрупулезно восстанавливается история не только научного, но и издательского литературного корееведения: указаны основные переводчики и подходы в переложении кореязычной просодической традиции на русскую почву. Такой целостный взгляд на литературный процесс позволяет, в частности, объективно оценить масштаб заимствований из западной и японской литературы и показать их решающую роль в становлении современной корейской поэзии. Дело в том, что в процессе трансформации

корейская поэзия постепенно изживала старые формы, кардинально меняла все традиционную художественную систему и за короткий период повторила путь новой японской поэзии. Аналогии прослеживаются начиная с просветительских песен, создания литературно-художественной периодики, в выборе круга авторов и произведений в переводческой деятельности, в возникновении подобных японским поэтическим объединений. Правда, несколько нарушает эту картину не совсем совпадающее по хронологии с японской возникновение символизма, который появился в корейской поэзии раньше романтизма. Но во всех остальных случаях, как, например, с реализмом, модернизмом, пролетарской поэзией, в целом последовательность практически аналогичная.

Старые поэтические формы каса, сиджо еще бытовали в просветительских чханга и в поэзии Чхве Нам Сона, но были вытеснены новыми поэтическими формами, заимствованными из японской поэзии. Японская форма синтайси использовалась в корейских синчхеси «стих нового стиля». Синтайси оказали влияние на эволюцию метрики корейского стиха, стихи французских поэтов - на возникновение в ней рифмы, просветительские, христианские, декадентские идеи, а также пролетарская идеология - на содержание поэзии. Самой распространенной формой новой поэзии стали «свободный стих» (чауси) и «стихотворения в прозе» (санмунси).

Из японской поэзии были заимствованы не только термины синчхеси, чауси, санмунси, но и термин минё. Общеизвестно, что первыми корейскую «народную песню» минё изучали японские ученые, и они же ввели этот термин. В Японии он бытовал с 1890 года, а в работах корейских ученых появился в 1916 году. Традиция использования иероглифики и в обозначении новых жанров и терминов осталась, что может порой привести исследователей к выводу об их заимствовании из китайской литературы.

В диссертации использован обширный перечень теоретических и критических исследований видных северокорейских и южнокорейских

ученых, западноевропейских и российских востоковедов, литературоведов, вводится новый пласт терминологии, имен и собственно оригинального поэтического текста. На наш взгляд, это позволило диссиденту правильно выстроить хронологию и общую концепцию работы. Несколько избыточен иллюстративный материал, представленный в Приложении диссертации. Стилистические погрешности, встречающиеся в переводах диссидентта, не влияют на общее положительное впечатление о работе.

Работа написана увлеченно, с глубоким проникновением в суть изучаемого вопроса. Но тем не менее прочтение диссертации вызывает ряд полемических моментов. Так, несколько ужатой кажется формулировка цели: «Целью настоящего исследования является рассмотрение большой литературной традиции и опыта ее коренной трансформации» (С. 29). Во-первых, здесь не звучит ключевое слово «корейская литература». Или диссидент через теоретический анализ корейского литературного дискурса пытается выйти на всю мировую литературу подобного толка? Если справедливо второе, то, наверно, надо было это оговорить. А вот предмет работы, напротив, кажется слишком развернутым (например, вряд ли стоило сегментировать его в соответствии с делением на главы).

И пару частных реплик. На с. 214 не прояснено, выполняет ли у Чо Ги Чхона лирический пейзаж сюжетообразующую функцию. Другими словами: мифологизированные природные объекты выступают ли в качестве своеобразных актантов, как это нередко бывает в фольклоре? Или природные описания – лишь «орнаментальный», образный элемент, выполняющий лирическую функцию?

Хотелось бы уточнить также один терминологический момент: когда речь идет об образном строе произведений Ким Ока и Хван Сок У, то говорится о «разнообразной традиции сравнения». Например: «Человек мог сравниваться с явлениями природы, с животным и растительным миром» (С. 416). Насколько в данном контексте употребим традиционный для русского

литературоведения термин «параллелизм», ведь дальше идет перевод стихотворения, где выстраивается аналогия-отождествление: человек – «семена осенней тыквы» (С. 416). К слову, и у Сим Мён Хо в стихотворении «Падающий снег» (С. 411) можно увидеть реликтовые параллели: человек – природа, старость – зима (снег). И вообще насколько укоренено в фольклорной корейской традиции такое образное соотнесение, нередко встречающееся в новых корейских поэтических образцах?

Но данные реплики нисколько не снижают общего благоприятного впечатления от работы. Диссертация Амановой Г.А. восполняет пробел, существующий в современном литературоведении, позволяет вывести изучение корейской литературы на новый уровень как в теоретическом плане, так и в плане регионального литературоведения и компаративистских исследований русской, западной и корейской литературы. При этом отмечу, что в диссертацию Г.А. Амановой вошли концептуально объединенные фрагменты лишь части ее научного багажа: о литературной Корее и ее представителях автором диссертации написано гораздо больше, чем смогла вместить диссертация, пусть даже и докторская. Всё это свидетельствует о зрелости и проработанности оппонируемого исследования.

Результаты диссертации могут быть полезны теоретикам литературы (особенно дальневосточной литературы), корееведам и литературоведам при чтении лекций по зарубежной литературе, истории современной корейской литературы, спецкурсов по поэтике современного стиха, истории жанров и т.д. Публикации и автореферат полно отражают основное содержание работы.

В целом диссертационная работа «Художественная специфика традиционной литературы Кореи и опыт модернизации ее поэзии: теоретические аспекты» представляет собой самостоятельный завершённый научный труд, имеющий прежде всего теоретическое, но также и прикладное значение. Таким образом, представленная диссертация вполне отвечает требованиям, изложенным в пп. 9-14 «Положения о присуждении ученых

степеней» (Постановление Правительства РФ от 24.09.2013 № 842, в редакции от 28.08.2017), предъявляемым к докторским диссертациям, а ее автор, Аманова Гулистан Абдиразаковна, заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности: 10.01.08 – Теория литературы. Текстология.

28 ноября 2019 г.

Доктор филологических наук
по специальностям:
10.01.01 – Русская литература,
10.01.08 – Теория литературы, текстология,
профессор кафедры государственного
и муниципального управления,
управления персоналом
Брянского филиала РАНХиГС

Подпись
Гавриков
В.А. Гавриков

241050, Брянск, ул. Горького, 18,
Раб.т.ел.: 8(4832)72-28-19
e-mail: gva@br.ranepa.ru